

О судоустройстве в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды (к 250-летию присоединения Осетии к России)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ, Россия,
armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судоустройства и осуществление судебной власти в Северной Осетии в разные исторические периоды. Утверждается, что они обуславливаются комплексом специфических причин, среди которых выделяются причины духовно-идеологического, историко-политического, правового и социально-психологического характера. Отмечается основная роль осетинской военной интеллигенции к приобщению своего народа к русской, европейской культуре, образу жизни, формам управления, в том числе в сфере осуществления судебной власти. Рассматриваются вопросы организации и упразднения различных судебных учреждений в XIX–XX вв., их обусловленность местными особенностями и частыми преобразованиями административно-судебных учреждений в указанный период. Освещается деятельность по учреждению советских судов. Раскрывается и критикуется новое судоустройство и принцип формирования судейского корпуса в постсоветский период. Положительно и убедительно оценивается деятельность упраздненных конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Вносятся предложения по организации конституционных советов в субъектах РФ.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Северная Осетия, Конституция РФ, нормы обычного права, судопроизводство, посреднический суд, мировой суд, горский суд, сельский суд, народный суд, Конституционный Суд, Конституционный совет

Для цитирования: Цалиев А. М. О судоустройстве в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды (к 250-летию присоединения Осетии к России) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 49–57. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-49-57>. EDN OWMRYQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the judicial organization in North Ossetia in the pre-soviet, soviet and post-soviet periods (to the 250-th anniversary of the annexation of Ossetia to Russia)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University).
Vladikavkaz, Russia, armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Abstract. The article examines the features of the judicial system and the exercise of judicial power in North Ossetia in different historical periods. It is argued that they are determined by a complex of specific reasons, among which the reasons of a spiritual-ideological, historical-political, legal and socio-psychological nature stand out. The main role of the Ossetian military intelligentsia in introducing their people to Russian, European culture, way of life, forms of government, including in the sphere of judicial power, is noted. The issues of organization and abolition of various judicial institutions in the 19th-20th centuries, their dependence on local characteristics and frequent transformations of administrative and judicial

institutions in this period are considered. The activities related to the establishment of Soviet courts are covered. The new judicial system and the principle of formation of the judiciary in the post-Soviet period are revealed and criticized. The activities of the abolished constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation are assessed positively and convincingly. Proposals are being made for the organization of constitutional councils in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: Russia, North Caucasus, North Ossetia, Constitution of the Russian Federation, customary law, legal proceedings, mediation court, magistrate's Court, mountain court, village court, people's court, Constitutional Court, Constitutional council

For citation: Tsaliev A. M. On the judicial organization in North Ossetia in the pre-soviet, soviet and post-soviet periods (to the 250-th anniversary of the annexation of Ossetia to Russia). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):49–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-49-57>. EDN OWMRYQ

Обращение к истории народов Кавказа, в том числе, в части государственного управления ими, является вполне обоснованным и актуальным. Неслучайно Президент Российской Федерации В. В. Путин говорит, что признание новации не означает отрицание ценностей прошлого. Ведь их знание уже само по себе важно, к тому же еще способствует лучшему пониманию и более эффективной организации государственного управления. Неслучайно патриарх исследования правового мира народов Кавказа и организации его изучения, известный ученый, профессор Д. Ю. Шапсугов неоднократно отмечает взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего и, в этой связи, предложил очередную интересную тему для обсуждения на данной конференции. В рамках ее исследования считаю необходимым рассмотреть основные вопросы судостроительства в Северной Осетии в досоветский, советский и постсоветский периоды и отправления правосудия как специфического вида управленческой деятельности по разрешению судебных дел. Они имеют свои особенности в разные исторические периоды и в разных регионах.

Судостроительство как система судебных учреждений у народов Северного Кавказа в XIX–начале XX вв. включало, в основном, национальные суды, образованные на местах, а также некоторые российские судебные учреждения. В Северной Осетии судостроительство и осуществление судебной власти, наряду с некоторыми общими чертами, имеющими с соседствующими северокавказскими народами свои особенности, в смысле активного и широкого продвижения и того и другого, правовой основы и правосознания, а также вполне естественно - языка судопроизводства, где вместе с осетинским, активно использовался русский язык. Они обуславливаются рядом причин: *первая из них носит духовно-идеологический характер*. Осетины, в отличие от других народов Северного Кавказа, исповедуют, в основном, православную религию. В 2022 г. в Осетии торжественно отмечали 1100-летие крещения Алании – предков осетин. Православие стало основой осетинской идеологии, что в значительной степени способствовало продвижению российских учреждений власти и управления, в том числе, судебных, а также законодательства и правовой культуры. В этом значительную роль сыграли также местные священники, внесшие значительный вклад в духовное просвещение народа, образование и культуры. Так, ими в XIX в. было переведено несколько поучительных книг и документов на осетинский язык, в том числе «Положение о временных судах и присяги».

Вторая причина носит *историко-политический характер* и связана с добровольным вхождением Осетии еще в 1774 г. в состав России. Данному историческому событию в этом году исполняется 250 лет, в связи с чем Президент Российской Федерации В. В. Путин издал Указ «О праздновании 100-летия государственности РСО-Алания и 250-летия присоединения Осетии к России». Главой РСО-Алания С. И. Меняйло принято решение о торжественном праздновании этих памятных дат в 2024 г. во Владикавказе и в Москве, в связи с чем в этом году проводятся различные мероприятия, раскрывающие достижения Северной Осетии в различных сферах государственной деятельности и общественно-политической жизни.

Отметим, что с присоединением Осетии к России последняя, тем самым, получила выход в Закавказье, а через нее в другие страны. Во-вторых, доступ к необходимым полезным

ископаемым на территории Северной Осетии, в частности, к железной руде, необходимой в военных целях. Так, каждая пуля, используемая в Первой мировой войне, отливалась на основе материала, выпускаемого в Владикавказ на заводе «Электроцинк». В-третьих, Россия приобрела надежного союзника, который за 250 лет совместной истории не нарушил установленного между двумя народами дружественного союза. *Более того, в России не было ни одной войны, ни одного сколь-нибудь заметного российского государственного, общественного и культурного события, в котором бы не участвовали представители Осетии.*

В свою очередь, с присоединением к России для Осетии закончилась четырехвековая эпоха замкнутого существования в горных ущельях и началось возвращение осетин на занимаемую ими ранее северокавказскую равнину, потерянную в период монголо-татарского нашествия в XIII-XIV вв. Кроме того, Осетия получила надежного и могущественного защитника своих интересов, а также доступ к великой русской культуре, а через нее и к европейской культуре и форм управления народом. Приобщение к ним происходило в основном через военную интеллигенцию, которая в царский период составляла значительную часть осетинского народа, единственный из народов Северного Кавказа, который в конце XIX в. стал призываться на действительную военную службу.

В 1900 г. во Владикавказе по Указу императора Николая II был учрежден Кавказский кадетский корпус, куда активно набирали местную молодежь. Военная служба у Осетин считается особенно почетной и ратной во все времена. Именно поэтому в 1917 г. в 130-тысячной Осетии было 3500 офицеров и 24 генерала. В литературе правильно отмечается, что «Образование вообще, и военное в частности, в Осетии было не только частью российской политики, оно являлось осознанной самим осетинским народом потребностью» [1, с. 91], что, несомненно, в большей степени является *социально-генетическим* характером народа. Это же можно сказать в отношении большинства осетин, характерной психологической чертой которых является также стремление к первенству, что общеизвестно как на бытовом уровне, так и на профессиональном. Это хорошо подметил известный генерал Т. И. Тутолмин, воевавший вместе с осетинами во время русско-турецкой войны. На одной из встреч с осетинской военной интеллигенцией он публично заявил: «Молю Господа Бога, чтобы на поле брани оказался вместе с осетинами, но не дай Бог, управлять вами в мирное время. Вы все любите первенствовать». Такая характеристика значительной части осетинского народа во многом соответствует действительности. На мой взгляд это, с одной стороны, похвально, поскольку мотивирует большинство людей к самосовершенствованию, с другой, нередко создает проблемы как на индивидуальном уровне, так и на общественном, особенно в сфере управления народом.

В качестве следующей причины особенностей осуществления судебной власти следует указать на *особенности осетинского правосознания*. Оно, с одной стороны, прочно основывалось на нормах осетинского обычного права, в обязательном им следовании. Осетинские обычаи, писал известный ученый, исследователь обычного права осетин В. Б. Пфафф, «Действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления, ни малейшего исключения [2, с. 184]. С другой стороны, в силу указанных выше причин, а также осетинского толерантного характера, т.е. умеющего мириться с чужим мнением, образом жизни в общественное сознание и поведение осетин более активнее и шире стало проникать многое из русской культуры и организации управления народом, в том числе, в части отправления правосудия.

После данного краткого, но необходимого вступления перейдем к непосредственной теме исследования. Оно показывает, что в Северной Осетии в XIX и начале XX вв. судебную власть осуществляли многочисленные и разнообразные судебные учреждения: посреднические (третейский) суды, мировые суды, сельские (аульные) суды, горские словесные суды, смешанные суды, Владикавказский народный суд, районные народные суды, Владикавказский окружной суд, Главный (Верховный) суд Терской области.

Рассмотрим некоторые вопросы организации наиболее известных судебных учреждений и осуществления ими судебной власти в Северной Осетии в указанный период времени.

В хронологическом порядке следует начать с *посреднических судов*. Основой их появления стал институт посредничества при регулировании различных общественных отношений, получивший издавна широкое распространение у народов Кавказа. К данным судам, чаще всего прибегали при урегулировании острых и сложных споров, конфликтов, преступлений, в том числе, совершаемых на почве кровной мести.

Осетинский посреднический суд не имел постоянного характера, а назначался в каждом отдельном случае разбирательства по согласованию спорящих сторон, участвующих в судебном разбирательстве. Посредники, чаще всего приносили клятву, свидетельствующую об их беспристрастном, объективном подходе при рассмотрении дела. У мусульманской части населения распространенным видом клятвы была клятва на Коране. Но и в этих случаях, некоторые верующие посредники прибегали к различного рода ухищрениям. Так, давнишний конфликт по поводу спорных территорий между соседствующими народами – осетинами и балкарцами, – разрешился весьма курьезным образом. Балкарцы предложили, чтобы посредники с обеих сторон, стоя на спорной земельной территории и, положив руку на Коран, поклялись, что земля, на которой он стоит, принадлежит его народу. Осетинские посредники, узнав об этом условии, набили свои сапоги родной землей, явились на место встречи и поклялись на Коране, сказав, что земля, на котором он стоит, земля его предков. На этом и разрешился конфликт между двумя народами, подробности которого стали известны спустя десятилетия, когда он потерял свою актуальность и стал предметом воспоминания застольных разговоров.

Медиаторами, т.е. членами посреднического суда – *тæрхоны лæгтæ* избирались наиболее почетные и старшие, непременно сведущие в обычном праве [3, с. 218]. Число судей было нечетным 3, 5 и т.д., обе стороны имели право отвода избранных судей и назначение нового суда при несогласии с уже вынесенным решением.

Высшими в иерархии посреднических судов, пользующимся особым почетом, были суды в Дагоме и Цемате (у северных осетин) и в Узаге (у южных осетин) [3, с. 118]. Не будучи апелляционными инстанциями, эти суды имели столь непререкаемый авторитет для населения, что решения их имели окончательный характер.

По мере положительного опыта деятельности посреднических судов их роль возрастала. Отмечу, что институт посредничества был задействован не только в форме посреднического суда, но и в форме социального института, предотвращающего дальнейшее развитие криминальной деятельности. С этой целью, когда не могли установить виновного в совершении кражи, имущественная ответственность, согласно Постановления Совета народных комиссаров Горской АССР от 22 октября 1921 г. за №13 возлагалась на порочных, т.е. подозреваемых в преступлении. Так, институт посредничества был задействован в деле Ц., уроженца с. Урух Кабардино-Балкарии. В архивных документах описывается случай, когда «после очередной кражи скота председатель сельсовета В. без всякого следствия обвинил Ц. в совершении кражи. На сельском сходе решался вопрос о виновности последнего путем голосования. За предложение В. проголосовали 2 человека, а остальные 50 воздержались. Несмотря на это, продали дом и скот обвиняемого, который вынужден был бежать в с. Дур-Дур. Но он не смирился с этим и поехал в Нальчик с жалобой к прокурору. На обратном пути его подкараулил В., прогнал через все село в сторону леса и в момент, когда хотел застрелить Ц., тот ударом кинжала убил своего обидчика. После этого он явился в милицию Дигорского округа, рассказал о произошедшем и сдал свой кинжал. На заседании суда виновный искренне удивлялся и возмущался, объясняя, что его нельзя судить, поскольку с помощью посредников состоялось примирение и он организовал «пир примирения», заплатил потерпевшей стороне значительную сумму. Суд учел все это, а также преклонный возраст виновного и то, что отсидел три месяца во Владикавказском исправительно-трудовом доме, освободил подсудимого как «социально неопасного элемента»¹.

¹ ЦГА СОАССР. Фонд 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

В 1864 г., наряду с российскими судебными преобразованиями, в центре Терской области во Владикавказе был образован Главный (Верховный) областной суд. Он состоял из двух отделений: уголовного и гражданского. Ему были подсудны все лица, составляющие гражданское население Терской области. Областной суд являлся высшей и окончательной апелляционной инстанцией, где рассматривались дела, поступившие из окружных народных судов¹. В окружном народном суде Осетинского округа рассматривались дела следующего характера: «уголовные; кровные по убийству; по ранению; спорно-тяжебные; о драках; о растлении; мужеложестве; долговые; о подозрении в поджоге; об убийстве скота; о холопах; о воровствах разного рода скота и вещей; о грабеже; о кражах, учиненных со взломом; об увозе девушек». Наибольшее количество разбирательств приходилось на «спорно-тяжебные» дела, число которых доходило до 30 в год; дел по имущественным искам было немного меньше, их количество колебалось от полутора до двух с половиной десятков ежегодно².

Подсудности участковых судов (в Осетинском округе – Тагауро-Куртатинского, Дигорского, Алагиро-Наро-Мамисонского) подлежали дела, главным образом, имущественного характера, а также дела против нарушений общественного порядка³.

В Северной Осетии, как и в других национальных районах Северного Кавказа, во второй половине XIX в. начали создаваться *мировые суды*. Созданные в 1864 г. на основании Учреждения судебных установлений и ряда уставов мировые суды рассматривали наиболее важные уголовные и гражданские дела. Мировые судьи избирались на 3 года гласными (депутатами) Городской думы г. Владикавказа. Большей частью это были хорошо обеспеченные жители, что способствовало независимости и самостоятельности судей при принятии соответствующих решений. С самого начала задавался тон всему порядку избрания: оно проводилось под бдительным надзором администрации. Официальное введение выборности объяснялось тем, что мировой судья, как посредник, хранитель мира должен был обладать доверием местных обывателей. Функционально существовали три категории мировых судей: участковые, почетные и добавочные [4, с. 16].

Согласно расписания мировых участков Терской области на 1870 г. Владикавказский мировой округ состоял из 4-х мировых участков. Постоянным местом пребывания мировых судей первых двух участков был Владикавказ. Впоследствии Владикавказский мировой округ был реорганизован и состоял из 5 мировых участков. Число мировых участков Владикавказского судебного округа постоянно увеличивалось и к 1905 г. их стало здесь 9 мировых участков. Мировые судьи г. Владикавказ и Владикавказского округа выполняли большой объем работы. Так в 1896 г. через мировые суды Владикавказского округа в целом прошло 11815 дел, а в 1901 г. уже 17020 дел [5, с. 117].

Рассматривая вопрос об организации судебных учреждений в первые годы советской власти следует иметь в виду, такой важный документ, как «Декларация первого съезда народов Терской области» от 31 января 1918 г., где в разделе по национальному вопросу предусмотрено, что «каждому из народов, населяющих терскую область должна быть предоставлена действительная возможность в согласии с основами, провозглашенной Великой русской революцией, устраивать свою жизнь так, как ему кажется наилучшим образом; в пределах своей территории каждой народности предоставляется право устанавливать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам» [6, с. 54]. Еще ранее, Декретом СНК от 14 апреля 1917 г. «О суде», действия мировых судей, которых избирали непрямыми выборами, было приостановлено и заменено местными судами, которые разрешали все гражданские дела, где иск не превышал 3000 руб. и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2-х лет лишения свободы [6, с. 46, 47]. Согласно Декрету, местные судьи избираются на основании прямых демократических

¹ ПСЗ – II. Т. XXXIX. Отд. 1-е. №4098. С. 456.

² ЦГА РСФСР-А. Д. 319. Л. 48. Об. – 49.

³ Там же. Л. 49. Об. – 52.

выборов. Отмечу, что принцип выборности судей сохранился весь советский период. Даже в ст. 9 сталинской Конституции 1936 г. было предусмотрено, что «народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на 3 года».

В апреле 1920 г. Терским областным ревкомом вся судебная система в области была ликвидирована, деятельность мировых судей и съездов мировых судей прекращена и все дела переданы восстановленным в своих правах народным судам и Советам народных судей [7, с. 217]. Руководство всей судебной системой было возложено на отделы юстиции областного и окружных ревкомов. В 1921 г. в Северной Осетии были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела по советскому закону, а также курировавший их работу областной Совет народных судей. Наряду с народными судами, в Осетии действовали и Революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным правонарушениям и преступлениям против советской власти.

31 октября 1922 г. на четвертой сессии ВЦИК было принято Положение «О судеустройстве РСФСР». Этим Положением системы народных судов и революционных трибуналов были объединены в единую судебную систему (народный суд, Губернский суд, Верховный Суд РСФСР). Основным звеном судебной системы стал народный суд, разбиравший большую часть уголовных и гражданских дел.

В июне 1924 г. в связи с образованием Северо-Осетинской автономной области, здесь, наряду с районными народными судами, был учреждён областной суд, ставший вышестоящей судебной инстанцией. С приобретением Северной Осетией в 1936 г. статуса автономной республики областной суд был заменён на Верховный суд республики.

Совершенствование государственной политики, направленной на учет местных особенностей, приближение советских учреждений к народу, развитие демократии постепенно, шаг за шагом продолжалось. В конституциях СССР 1936 и 1977 гг., как и в конституциях союзных и автономных республик сохранились принципы выборности судей народом и их подотчетность ему, что ярко свидетельствовало о демократической организации судебной власти. Казалось бы, такая судебная политика и практика продолжится, более того, расширится в деятельности, пришедшей в начале 1990 г. новой российской власти, которая обещала народу демократизацию общественной жизни, федерализацию и децентрализацию власти. На заре новой власти появилась надежда, что данные процессы приобретут необратимый характер в ходе строительства нового российского государства. В подтверждение этому на теоретическом и законодательном уровне появились обнадеживающие перемены. Так, в сфере судебной власти была подготовлена и в 1992 г. опубликована «Концепция судебной реформы». Она учитывала лучшие достижения правовой культуры, которые нашли отражение в Судебных уставах 1864 г. В своей служебной записке к проекту данной Концепции, направленной Верховному Совету РСФСР Б.Н. Ельцин отмечал, что проведение его является необходимым условием обеспечения функционирования демократического федеративного правового государства. В Проекте была «предложена двухуровневая система судов – федеральная и республиканская. Республикам в составе РСФСР предоставлялась возможность с учетом основных принципов судеустройства учредить наиболее удобную для них систему судов» [8, с. 50]. Такой судебный федерализм обуславливается формой устройства Российского государства, предусмотренным в ст. 1 Конституции РФ. Однако, прошло всего 3-4 года и сторонниками централизации судебной власти, при активном участии бизнес-элиты, крайне заинтересованном в законодательном закреплении своего незаконно нажитого имущества судебными решениями, начали активно выступать против наличия региональной судебной власти. И это, несмотря на то, что в ст. 10 Конституции РФ предусматривается разделение государственной власти на три ее ветви – законодательную, административную и судебную, а ее образование в субъектах РФ, согласно ст. 11 Конституции РФ, осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

В принятом в 1996 г. ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» все суды, начиная с районного, были включены в федеральную судебную систему. Вместо принципа выборности судей, существовавшего как в досоветский, так и в постсоветский период вводился принцип назначаемости всех федеральных судей Президентом РФ. Против такой централизации и демократизации судебной власти выступили не только многие специалисты, но и руководители субъектов РФ. И не без оснований, поскольку до этого они считались судами субъектов РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 140 Конституции СОАССР 1978 г. «Судами Северо-Осетинской АССР являются Верховный суд Северо-Осетинской АССР и районные (городские) народные суды». Согласно ч. 1 ст. 141 данной Конституции «Все суды Северо-Осетинской АССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей». Все они, в соответствии с указанной статьей были ответственны перед избирателями или образованными, или избравшими их органами, отчитывались перед ними и могли быть отозваны ими в соответствии с законом.

Отметим, что и в других федеративных государствах к федеральным судебным органам относятся только суды высшей инстанции, а их субъекты имеют свои суды. Так, в ФРГ в каждой земле действует три ступени судов общей юрисдикции: участковые суды, земельные суды, высшие земельные суды. Считаю, что и Российской Федерации при судостроительстве необходимо следовать данному порядку организации судов. Вполне очевидно, что судебную практику и иные вопросы нижестоящих судов можно контролировать с помощью разных, законно установленных полномочий вышестоящих судов. В связи со сказанным, нет никакой необходимости в сверхцентрализации судебной власти, тем более, на конституционном уровне Россия именуется демократическим федеративным правовым государством, но сегодняшняя конструкция судебной власти не позволяет говорить о судебном федерализме. Это же можно сказать и в отношении правового государства, одним из важнейших принципов которого является разделение государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне. Ведь сегодня совершенно очевидно, что в субъектах РФ в отличие от других федеративных государств нет никакой судебной власти. Имея ввиду это, а также фактическое отсутствие выборности судей, в соответствии с действующим законодательством, в отличие от советского, можно утверждать о все большем отчуждении судебной власти от народа. Неслучайно известный профессор Д.Ю. Шапсугов пишет об отчуждении власти от общества, выступающей как присвоение ее государством. По его мнению, данная проблема имеет не только философский, теоретический, но и серьезный практический аспект [9, с. 9]. С учетом сказанного необходимо напомнить и ориентироваться на слова Президента В.В. Путина о том, что по некоторым вопросам нам придется возвращаться к опыту прошлого законодательства.

Возвращаясь к вопросу о региональной судебной власти, отметим, что в соответствии с указанным ФКЗ судами субъектов РФ признавались конституционные и мировые суды. Последние по существу являются федеральными судами, поскольку: основу их организации и деятельности составляют федеральные законы; финансируются они из федерального бюджета; функционируют при федеральных судах, составляя первичное звено судов общей юрисдикции; осуществляют правосудие именем РФ. В соответствующих региональных законах о них говорится, что полномочия, порядок деятельности мировых судей устанавливаются Конституцией РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Неслучайно, они в новой редакции в ст. 118 Конституции РФ включены в федеральную судебную систему. При этом федеральный законодатель продолжает именовать их «мировыми судьями субъектов РФ», дабы придать видимость наличия региональной судебной власти и тем самым попытаться обеспечить принцип разделения государственной власти на три ее ветви. Усматривая в этом необоснованные попытки централизации судебной власти, ее независимости и самостоятельности, я неоднократно выступал в центральной печати [10], в иных публичных выступлениях, в том числе на «круглом столе» по вопросам института мировых судей, организованного 16 апреля 2015 г. Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству с целью сохранения статуса мировых судей как института судебной власти субъектов РФ.

Что же касается конституционных (уставных) судов, то они всего лишь за два десятилетия своей деятельности провели значительную работу по утверждению конституционной законности, защиты прав и свобод человека и повышению регионального конституционного правосознания. На местах, не только юристы, но и в народе заговорили о значимости Конституции и регионального конституционного правосудия. Об этом неоднократно писали в центральной печати, в том числе, Председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин, а также автор данных строк.

Конституционные суды отстаивали также необходимые атрибуты государственности республик. Так, в 2015 г. в Конституционный суд РСО-Алания обратился гражданин Ц. с просьбой защитить его конституционное право на использование им родного языка – осетинского, как государственного, поскольку при рассмотрении его вопроса в районном федеральном суде отказали принять его заявление, написанное на осетинском языке, предложив ему изложить свою просьбу на русском языке. Верховный суд республики поддержал позицию нижестоящего суда. После этого, он обратился на осетинском языке в Конституционный суд республики. Суд, со ссылкой на ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, где предусмотрено, что «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации»¹ и ст. 15 Конституции РСО-Алания, закрепляющей в качестве государственных языков осетинский и русский, принял заявление гражданина, рассмотрел его по существу и удовлетворил его просьбу. Более того, я, как Председатель Конституционного суда весь процесс провел на осетинском языке. Использование национального языка на протяжении всего процесса по данному делу было первым и единственным случаем в конституционном судопроизводстве Российской Федерации и произвело эффект разорвавшейся бомбы в судебном сообществе республики, а также далеко за ее пределами.

Региональную судебную власть реально представляли и могут представлять конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Учеными-специалистами, в том числе автором этих строк, и практическими работниками в области конституционного правосудия на протяжении почти трех десятилетий в печати и на различных международных научно-практических конференциях приводились многочисленные аргументы в пользу организации и функционирования органов региональной конституционной юстиции, которые никем не оспаривались. Неслучайно, в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 17 декабря 2017 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития в 2012-2016 годах» по моему предложению, как члена Президиума судей РФ, было внесено предложение о том, что «незаслуженно без внимания остаются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, которые играют роль дополнительного гаранта прав граждан, в том числе на судебную защиту».

Несмотря на вышеизложенное, всего через год, согласно ст. 2 ФКЗ от 8 декабря 2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», в субъектах РФ были упразднены указанные суды. Государственная Дума РФ, по-видимому, пытаясь избежать упреков в централизации судебной власти, а также с целью восполнить образовавшийся вакуум в системе региональной контрольной власти, предусмотрела в ст. 7 ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» норму о том, что «Субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». Такая абсурдная, гибридная, к тому же декоративная правовая норма ни в одном зарубежном законодательстве не предусматривается, поскольку абсолютно не соответствует известному принципу разделения государственной власти. На мой взгляд, конституционный совет, создаваемый

¹ Конституция Российской Федерации (со всеми последними поправками). М., 2023. 95 с.

при законодательном или исполнительном органе власти, изначально лишается возможности объективного судебного контроля принимаемых ими нормативно-правовых актов на предмет их соответствия Конституции. Образование такого государственного органа никак не обеспечивает функционирование обеспечения конституционного принципа осуществления государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. К тому же для функционирования конституционного совета необходимы соответствующие условия: кадры, помещения, техника и т.д. Вполне очевидно, что финансирование деятельности такого бутафорного государственного органа, происходит за счет средств налогоплательщика, а надо было это делать за счет тех, кто принимает такие необоснованные, популистские решения.

В сложившейся ситуации создание самостоятельных конституционных (уставных) советов – единственный путь, по которому должны следовать субъекты РФ. Только такая государственно-правовая политика и практика реального обеспечения принципиально важных конституционных норм относительно организации органов судебной власти будет способствовать строительству России как демократического федеративного правового государства.

Список источников

1. История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2019. Т. 2. 447 с.
2. Пфафф В.Б. Народное право осетин. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1872. Т. 1. 220 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886. Т. 2. 410 с.
4. Лонская С.В. Мировая юстиция в истории Российской империи // Мировой судья. 2013. № 6. С. 16-20.
5. Цалиев А.М. Государство и право Осетии. Владикавказ, 2019. 375 с.
6. Судебная власть в России. История. Документы. Т. 5. М., 2003. 830 с.
7. История государства и права народов Кавказа. Науч. ред. Шапсугов Д. Ю. Ростов н/Д., 2022. 577 с.
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 98 с.
9. Шапсугов Д.Ю. Проблемы эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народо-властью // Северо-Кавказский юридический вестник. №2. 2022. С. 7–18.
10. Цалиев А.М. За что отвечает судья? // Российская газета. 1995. 5 июля.

References

1. *History of Ossetia in the 19th and early 20th centuries*. Vladikavkaz; 2019. 447 p. (In Russ.).
2. Pfaff V. B. *Ossetian folk law. Collection of information about the Caucasus*. Tiflis. 1872;(1). 220 p. (In Russ.).
3. Kovalevsky M. M. *Modern custom and ancient law (customary law of Ossetians in historical and comparative light)*. In 2 volumes. M., 1886. T. 2. 410 p. (In Russ.).
4. Lonskaya S. V. World justice in the history of the Russian Empire. *Magistrate Judge*. 2013;(6):16-20. (In Russ.).
5. Tsaliev A. M. *State and law of Ossetia*. Vladikavkaz; 2019. 375 p. (In Russ.).
6. *Judicial power in Russia. Story. Documentation*. Vol. 5. Moscow; 2003. 830 p. (In Russ.).
7. *History of the state and the rights of the peoples of the Caucasus*. Scientific editor Shapsugov D.Yu. Rostov-on-Don; 2022. 577 p. (In Russ.).
8. *The concept of judicial reform in the Russian Federation*. Moscow; 1992. 98 p. (In Russ.).
9. Shapsugov D. Yu. Problems of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):7–18. (In Russ.).
10. Tsaliev A. M. What is the judge responsible for? *Russian newspaper*. 1995. July 5. (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Цалиев – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой органов власти и публичного права Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ).

Information about the author

A. M. Tsaliev – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Authorities and Public Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest. Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024. The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.